

МИССИЯ ИДЕНА НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК И БАЛКАНЫ ВЕСНОЙ 1941 Г.

В истории второй мировой войны период весны — лета 1941 г. занимает особое место. Именно тогда гитлеровцы завершили военно-политическую и дипломатическую подготовку к нападению на СССР. Многие события и процессы того времени достаточно изучены, другие до сих пор малоисследованы или получили в буржуазной литературе искаженное толкование. К последним относится политика Англии в Восточном Средиземноморье — районе, который в первой половине 1941 г. для английского империализма имел решающее значение с точки зрения всего дальнейшего хода войны. Ключевым событием в реализации этой политики явилась деятельность министра иностранных дел и члена военного кабинета Англии А. Идена, который с 19 февраля по 7 апреля 1941 г. находился на Ближнем Востоке и Балканах.

В советской литературе миссия Идена, как правило, только упоминается¹. Лишь в одном исследовании она получила серьезное внимание². Буржуазная историография в большинстве своем подает ее как честную, хотя и не слишком удачную, попытку Англии объединить усилия Балканских стран для отпора фашистской агрессии³. Эта оценка прямо восходит к официальной версии, которую Лондон выдвинул весной 1941 г. по горячим следам событий и которую развили в своих мемуарах У. Черчилль и непосредственный участник событий А. Иден⁴.

В данной статье на основе английских архивных материалов, практически не введенных в научный оборот, прежде всего на основе отчета Идена военному кабинету о поездке, ставится задача выяснить подлинный смысл этой миссии и ее результаты в контексте британской политики в Восточном Средиземноморье весной 1941 г.

¹ История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти т. М., 1974, т. 3, с. 257; Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. 1939—1945. М., 1965, с. 160; Секистов В. А. Война и политика. М., 1970, с. 176—177.

² Чемпалов И. Н. Присоединение Югославии к Тройственному пакту.— В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1970, с. 39—75.

³ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М. 1957, с. 408—415.

⁴ Churchill W. The Second World War. Boston, 1951, v. 3, p. 64—77, 96—107; Eden A. The Reckoning. L., 1964, p. 188—235.

К январю 1941 г. в результате поражения Италии на Балканах и особенно в связи с успешным наступлением англичан в Северной Африке военно-политическая обстановка в Средиземноморье значительно изменилась. Англия, имея инициативу на театре войны, сохранила и даже укрепила свое влияние в Греции и Турции. Но вместе с тем Германия приняла решение непосредственно вмешаться в борьбу на этом театре войны, а это означало превращение итало-греческой войны и войны Англии с Италией в борьбу германского империализма с Британской империей в Средиземноморье. Греция и Турция стали основным полем англо-германского противоборства. Поэтому замысел Черчилля о смещении центра тяжести борьбы из Северной Африки в зону Южных Балкан и Проливов⁵ объективно стал средством противодействия вероятному вторжению вермахта в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток. В конце декабря 1940 г. А. Иден, только что ставший главой Форин Оффиса и второй фигурой в военном кабинете, высказал мысль о необходимости своей новой, третьей с начала войны, поездки на данный театр войны, на сей раз не только в Египет, но и на Балканы⁶.

В январе 1941 г. ввиду угрозы близкого вступления немецких войск в Болгарию и их выхода на греческую границу англичане попытались навязать грекам свою помощь в размере 2—3 пехотных дивизий, танкового батальона, 2 артполков и 4—5 эскадрилий авиации⁷. Смысл этого шага ясно виден из решения военного кабинета 8 января: «С политической точки зрения первоначально важно, чтобы мы сделали все возможное, **всеми правдами и неправдами** (выделено мной.— А. Ч.) для немедленной отправки в Грецию как можно большей помощи»⁸. В тот момент англичане опасались не столько близкого вторжения немцев в Грецию, сколько мирного соглашения Афин с Берлином. Такой оборот настолько не устраивал Лондон, что он был готов пойти на риск провокации более раннего нападения гитлеровцев на Грецию, Форин Оффис тогда рассматривал посылку английских войск в Грецию как средство подталкивания немецкого удара, если бы альтернативой становилось «мирное решение» греческого вопроса⁹. Но Метаксас сумел отклонить английскую помощь.

Успешнее прошла другая акция англичан того же рода — установление военных контактов с Турцией. На штабных переговорах 15—22 января обсуждались вопросы практического взаимодействия сторон: поддержание коммуникаций, размеры материальных потребностей турок в случае войны, их готовность во Фракии

⁵ Churchill W. The Second World War, v. 2, p. 546—547.

⁶ Eden A. The Reckoning, p. 168.

⁷ Papagos A. Grcka u ratu 1940—1941. Beograd, 1954, s. 305—306; Buckley Ch. Greece and Crete. L., 1952, p. 21.

⁸ Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 16.

⁹ Koliopoulos J. Greece and the British connection 1935—1941. Oxford, 1977, p. 191.

и в зоне Проливов, масштабы английской помощи туркам на различных фронтах¹⁰. Хотя подписание протокола переговоров было отложено, они подтвердили намерение Турции сражаться за Проливы, что вполне устраивало англичан.

Лондон постарался представить переговоры в Афинах и Анкаре как успех в создании Балканского фронта в составе Греции, Турции и Югославии. Накануне переговоров с греками Форин Оффис известил турок и югославов о предполагаемой высадке английских сил в Северной Греции. Это был дипломатический ход, адресованный немцам. Вместе с тем обращает на себя внимание и другая сторона поведения англичан. Когда греки сообщили югославам и немцам, что не участвуют в анкарских переговорах и не желают вступления Турции в войну даже в случае появления германских войск в Болгарии, если они не будут нацелены против Греции, а турки со своей стороны известили Софию, а значит и Берлин, что переговоры в Анкаре не выходят за рамки военно-технических совещаний и не предвещают изменений в политике Турции, англичане признали эту оценку¹¹. Более того, в середине января, когда угроза немедленной «мирной капитуляции» греков перед немцами была временно снята, Лондон дал знать в Анкару и Белград, т.е. тем же немцам, что «не стоит вопрос о навязывании помощи грекам», поскольку не будет опасности близкого германского наступления в Грецию и зону Проливов¹².

20 января военный кабинет определил очередность задач британской политики и стратегии в Средиземноморье. Уэйвеллу следовало продолжить наступление в Ливии и овладеть Бенгази, чтобы прикрыть западный фланг театра войны, и одновременно начать подготовку подвижного резерва в 4 дивизии для использования в Греции и Турции, когда придет время. Британские силы можно базировать только в средней и южной части страны, но не в зоне Салоник¹³. Откровеннее прозвучала политическая цель Англии в греческом вопросе: не допустить, чтобы греки запросили мира, когда немцы вступят в страну. Поскольку шансы удержать даже самую короткую и удобную линию фронта Ламия — Лепанто частью греческой армии при поддержке нескольких британских дивизий считались незначительными, англичане прямо ставили вопрос об уходе короля и правительства Греции в эмиграцию под эгиду Лондона¹⁴.

Январские решения очертили британскую стратегию обороны средиземноморских и ближневосточных позиций Англии. Она включала создание турками рубежа в зоне Проливов, угрозу

¹⁰ PRO, FO.371/30028, R 10/10/44 (after — FO).

¹¹ FO.371/30028, R 10/10/44.

¹² PRO, Cab 21/1182, WM(41)6CA, 8CA (after — Cab); Papagos A. Grcka u ratu 1940—1941, s. 307.

¹³ Cab 21/1182, WM(41)8CA; Cab 80/25, COS(41)9.

¹⁴ Cab 80/25, COS(41)52.

бомбардировки румынской нефти и образование Балканского фронта в составе Греции, Турции и Югославии. Минимальной целью этой политики ставилось предотвращение вторжения немцев в Малую Азию, Сирию и Ирак, в наилучшем варианте, особенно при формальном создании Балканского фронта и вступлении британских войск в Грецию, можно было надеяться на формирование рубежа в районе Салоник, что возможно вынудит гитлеровцев отказаться от вступления не только в зону Проливов, но и в среднюю и южную Грецию¹⁵.

При оценке политического значения этой стратегии надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, в Лондоне были уверены в способности немцев овладеть Восточным Средиземноморьем, кроме Египта и Суэцкого канала, независимо от того, что предпримут англичане. Во-вторых, к тому времени правительство Черчилля получило известие из Вашингтона о грандиозном замысле гитлеровцев на Востоке¹⁶. И потому британский империализм в защите своих позиций в Средиземноморье и на Ближнем Востоке сделал ставку не на решительную борьбу, а на маневрирование и выжидание момента, когда Германия увязнет на Востоке. Расчет на столкновение Германии и СССР «на Балканах или в любом другом месте» был основным элементом большой политики Лондона с осени 1940 г.¹⁷

Англичане не исключали, что гитлеровцы до выполнения плана «Барбаросса» могут попытаться овладеть Суэцким каналом и ближневосточной нефтью. Для такого случая и готовилась стратегия тройного прикрытия: оборона Проливов, угроза бомбардировок Плоешти и создание Балканского фронта. «Если Германия все же решится сражаться,— говорилось в меморандуме штаба имперских ВВС,— война в таком случае развернется в пределах Болгарии, Румынии, европейской Турции и северной Греции вместо Средиземноморья, Крита и Египта»¹⁸. В этой связи Уэйвелл уже начал готовить подвижной резерв в 4 дивизии.

В Лондоне надеялись, что немцы ввиду перспективы раздвоения своей большой стратегии — «Восточный план» и «Южный план», а также возможности превращения оборонительной стратегии правительства Черчилля в Восточном Средиземноморье в наступательную путем сближения Англии и СССР предпочтут принять следующее соглашение. Англичане ограничатся сугубо оборонительной стратегией по линии Проливы — Эгейское море; Болгария, Югославия и Греция в разное время войдут в зону военно-политического господства Берлина; идея Балканского

---

¹⁵ Cab 80/25, COS(41)52.

¹⁶ Поздеев Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1939—1941. М., 1964, с. 268.

¹⁷ Cab 80/17, COS(40)683, p. 47.

¹⁸ Cab 80/25, COS(41)52.

фронта превращается в разменную монету участников соглашения. Германия со своей стороны отказывается от наступления в Турцию и на Ближний Восток и целиком сосредоточивается против СССР. При такой договоренности противоречия между монополиями Англии и Германии на стыке трех континентов, хотя и временно, разрешались выгодно для обеих сторон: англичане, не истощая свои пока еще скудные здесь военные ресурсы, сохраняют позиции в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, а гитлеровцы получают уверенность, что Балканского фронта в действительности не будет и южный фланг операции «Барбаросса» не подвергнется внезапному удару.

Такова была политическая основа стратегии Лондона в Восточном Средиземноморье. К концу января она ясно обозначилась, но предстояло приложить немало усилий, чтобы ее приняли немцы, а также Греция, Турция и Югославия. К тому времени англичане оказали воздействие на Германию и Балканские страны. Особенно важную роль сыграл визит неофициального эмиссара президента Ф. Рузвельта полковника У. Доновэна в Афины, Белград, Анкару и Софию во второй половине января. Доновэн убеждал руководителей этих стран, что США поддерживают политику Англии в этом районе, важнейшим элементом которой был отказ от мирной и слишком быстрой капитуляции Балканских стран перед Германией и создание Балканского фронта чисто политически как средства заставить гитлеровцев отказаться от наступления через Проливы на Ближний Восток весной 1941 г.¹⁹

Особенно важной оказалась поездка Доновэна в Софию. К тому времени у Болгарии осталось два пути: принять предложенный СССР пакт о взаимопомощи или вступить в тройственный пакт. В силу классовых интересов и с точки зрения обострения германо-советских отношений западные страны предпочитали второй путь, но при условии отсрочки вступления немцев в Болгарию и отказа Софии разместить вермахт на болгаро-турецкой границе. И то и другое было некоторой гарантией задержки или даже отказа от наступления гитлеровцев в Малую Азию. 22 января Доновэн сказал царю Борису: «Если возникнет необходимость принять решение и вы не сможете больше тянуть, то вы, вероятно, разрешите Германии пройти, но не должны сотрудничать с ней»²⁰.

Решающим звеном политики Англии в Восточном Средиземноморье и на Балканах были отношения с Турцией, в рамках которых особое значение приобрел вопрос о заключении болгаро-турецкого договора о ненападении. Поскольку за спиной участ-

---

¹⁹ Чемпалов И. Н. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав.— В сб.: Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны. Свердловск, 1968, с. 108—109.

²⁰ Langer W., Gleason S. The undeclared war. N.Y., 1954, p. 398.

ников переговоров — Болгарии и Турции стояли Германия и Англия, ход переговоров и их результаты стали формой неофициального соглашения о размежевании сфер военно-политического господства Берлина и Лондона в этом районе.

Анкара, считая вступление немецких войск в Болгарию неизбежным, внесла свой проект договора о ненападении, в котором проводилось различие между «дружественным вступлением» иностранных войск, когда они не выходят на турецкую границу, и «насилованным вступлением», несущим угрозу Турецкой Фракии²¹. Англичане вначале осудили такое откровенное указание турок на отказ поддержать Грецию, ибо это подрывало замыслы Лондона в создании Балканского фронта, и даже поддержали идею греков о том, чтобы Турция одновременно с подписанием договора с Софией сделала заявление об автоматическом вступлении в войну с Болгарией, если немецкие войска вступят на территорию последней²².

Но в конце января в Лондоне заметно отошли от прежней позиции. Там приняли отказ турок от предложенной греками декларации в обмен на особое заявление Анкары о верности англо-турецкому союзу 1939 г., которое предполагалось включить в текст болгаро-турецкого договора. Затем англичане согласились на отдельное заявление турок в момент подписания договора²³. Таким образом, Лондон сделал шаг навстречу немцам. Он не только признавал Болгарию сферой господства Германии, но и принимал отказ турок прийти на помощь грекам при условии оставления Турции в покое. Это означало, что Балканский фронт не будет создан как реальная антигерманская сила, а останется лишь как потенциальная угроза гитлеровцам, если те не примут указанную выше договоренность. В этой связи англичане отказались от размещения своих сил в районе Салоник, но сохраняли возможность двинуть их туда для нанесения флангового удара в случае продвижения немцев к Проливам²⁴. Северная Греция временно оставалась «ничейной полосой», своего рода лакмусовой бумажкой готовности каждой стороны выполнять модус вивенди.

Гитлеровцы не заставили себя ждать. 27 января они согласились на возобновление переговоров между Софией и Анкарой на базе признания вступления немцев в Болгарию как шага, не нарушающего будущего договора. На другой день они сообщили болгарам проект специального заверения Турции со стороны Германии, которое предполагалось включить в послание Гитлера президенту Иненю²⁵. Таким образом, германский вариант

²¹ FO.371/29730, R 410/91/7.

²² FO.371/29730, R 464/91/7, R 545/91/7.

²³ FO.371/29730, R 545/91/7.

²⁴ Cab 80/25, COS(41)52.

²⁵ Чемпалов И. Н. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав, с. 117.

договоренности двух империалистических противников оказался весьма близок британскому и в пункте, касавшемся Греции: сохранение свободы рук гитлеровцев в отношении нее. Это было подтверждено и по другому каналу. 27 января германский военный атташе в Турции сообщил своему греческому коллеге, что Германия двинется на Салоники сразу после 2 марта — дня вступления немцев в Болгарию — и что «это движение пойдет независимо от того, попытаются англичане занять этот район или нет. Германия намерена утвердиться в Бресте, Гибралтаре, Салониках. Турцию оставят в покое, если она не станет чинить помех в продвижении к Салоникам, но если она ввяжется в борьбу, Германия двинется к Босфору и Дарданеллам» (выделено мной.— А.Ч.)²⁶. Эта весьма важная информация, немедленно ставшая известной англичанам, на что немцы и надеялись, еще раз подтверждала, что гитлеровцы были готовы в рамках договоренности не наносить удара по Турции, если Анкара и стоявшие за ней англичане признают в конечном счете свободу рук немцев в Греции.

Появление реальной основы англо-германского закулисного соглашения, в то же время опасения за окончательную позицию Турции и стремление использовать греческий фактор для создания барьера возможному немецкому продвижению в Малую Азию поставили поездку Идена в этот район в порядок дня. 28 января он обсуждал ее в Форин Оффисе, на другой день Черчилль одобрил ее. После беседы с ним Иден записал в дневнике: «Турция — ключ. Мы обсудили мою поездку в Турцию»²⁷. Борьба за эту страну была в центре всей британской политики на стыке трех континентов. Что касается Греции, то в широком политико-стратегическом смысле она уже была списана со счетов. Но в более узком смысле как средство в достижении и реализации англо-германской договоренности, она еще была нужна Лондону. Проницательный Кадоган убеждал 29 января Идена в «необходимости избегать впечатления, что мы оставляем Грецию и отступаем за ненадежную турецкую линию обороны»²⁸.

Но получить согласие турок и греков на визит Идена было непросто, особенно после отклонения Турцией в начале февраля своеобразной формы давления англичан на Анкару — предложения срочно принять 10 эскадрилий самолетов и 100 зенитных орудий, а также обсудить вопросы стратегических действий в этом районе²⁹. Пришлось снова прибегнуть к помощи Вашингтона. Англичане активно использовали результаты визита Доновэна на Балканы. В своем отчете Рузвельту 3 февраля 1941 г. будущий шеф Управления стратегических служб писал, что

²⁶ FO.371/29777, R 645/113/67.

²⁷ Eden A. The Reckoning, p. 188.

²⁸ The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938—1945. L., 1971, p. 352.

²⁹ FO.371/30099, R 720/274/44; Centre of military archives. Ismay's papers VI/2 (after — CMA).

Германия, «руководствуясь принципом ведения борьбы на одном фронте», стремится осуществить следующий план: 1. Нападением на Грецию и захватом Салоник «не допустить сплошного фронта союзников на Балканах» и самой прочно утвердиться в этом районе. 2. Напасть на Советский Союз — «овладеть Украиной». 3. Вторгнуться в Турцию и на Ближний Восток через Дарданеллы. 4. Вступить в Испанию и овладеть Гибралтаром. 5. Захватить французские базы в Северной и Западной Африке³⁰. Доновэн считал, что Германия, вероятно, добьется выполнения своего «единого плана», но он подводил Рузвельта к выводу о более активной поддержке британской политики в Восточном Средиземноморье, так как это позволит лучше подготовиться к отпору германской агрессии против западного полушария³¹.

Поддержка США сыграла свою роль. Турция подтвердила готовность дать заявление о верности англо-турецкому союзу и добилась согласия немцев и болгар на сохранение, хотя и в смягченном виде, формулы Менеменджииоглу — Кыосеиванов «без ущерба договорным обязательствам Турции и Болгарии перед другими странами»³². 8 февраля в Анкаре были подписаны протоколы англо-турецких штабных переговоров, и в тот же день турки согласились принять Идена³³.

Англичане спешили с подготовкой визита Идена в этот район, так как гитлеровцы заканчивали приготовления к вступлению в Болгарию. 8 февраля было подписано соглашение между ОКВ и болгарским генштабом о сотрудничестве вооруженных сил двух стран. Немцы получили право разместить свои войска в Болгарии для нанесения удара по Греции. Предполагалось, что Турция не выступит на стороне греков, но вермахт готовился ударить по туркам, если те «вмешаются в войну»³⁴.

8 февраля британская дипломатия добилась от нового премьер-министра Греции А. Корициса заявления, которое официальный Лондон истолковал как приглашение англичанам послать войска. Но это была явная натяжка. В том же отчете Идена о поездке, откуда взята эта формула, признавалось, что Корицис предлагал определить размер и состав британских сил, «чтобы решить, будут ли они вместе с греческими войсками достаточны для сдерживания германского удара и одновременно побуждения Югославии и Турции принять участие в борьбе»³⁵. Следовательно, Корицис, как и ранее Метаксас, подразу-

³⁰ F0.371/29777, R 3340/113/67.

³¹ Ibidem.

³² F0.371/29730, R 794/91/7.

³³ Cab 105/2, Hist(B)2; The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 353—354.

³⁴ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 264, л. 386; DGFP, ser. D, v. 12, N 39.

³⁵ Report on the mission of the Secretary of State for Foreign Affairs to the Eastern Mediterranean, February—April 1941.—F0.371/29798, R 3870—/G, p. 3—4 (after — Report on the mission...).

мевал, что в случае нехватки английских сил для этих целей они не должны вступать в Грецию.

Лондон как бы закрыл глаза на это существенное разногласие сторон, и 10 февраля после обсуждения ситуации в Восточном Средиземноморье и Ливии, где англичане только что овладели Бенгази, было решено послать войска в Грецию. В ходе дискуссии некоторые военные, в частности начальник имперского генштаба генерал Дж. Дилл, склонялись в пользу продолжения нажима на Анкару, чтобы послать войска в Турцию. Но было очевидно, что, пока удастся заставить турок принять помощь — если вообще удастся это сделать, — пройдет немало времени, и эта потеря может оказаться роковой для британских замыслов. С другой стороны, помощь грекам, т. е. удержание Афин «в строю», подбодрит Турцию³⁶.

Одновременно кабинет подтвердилсылку Идена в Восточное Средиземноморье в сопровождении Дж. Дилла. Идену предоставлялись большие полномочия, вплоть до принятия самостоятельных решений по политическим и военным вопросам. Среди многих задач, поставленных перед ним, выделялись три, тесно связанные между собой и стоявшие в такой последовательности. 1. Организация спешной отправки войск в Грецию. 2. Установление прямых контактов с правительствами Югославии и Турции, чтобы они, если это будет необходимо англичанам, «одновременно начали военные действия или оказали любую другую посильную помощь». 3. Обеспечение защиты английских интересов в Турции на последующей стадии развития событий³⁷. Хотя официальные формулировки делают упор на организацию отпора возможному вторжению немцев в зону Проливов, общей целью миссии Идена была реализация наметившегося англо-германского соглашения о размежевании сфер влияния на стыке Европы и Азии. Указание на защиту британских интересов в Турции «на последующей стадии развития событий» подтверждает, что Лондон был готов признать не только Болгарию, но и Югославию и Грецию частью германской сферы господства.

Нажим Англии и США на Болгарию и Югославию в феврале 1941 г., а также угроза сближения западных держав с СССР заставили гитлеровцев пойти на уступки в проекте болгаро-турецкого договора. Они приняли идею вступления вермахта в Болгарию, не направленного против Турции — главный элемент негласного сговора, который выдвигали англичане. Но в Лондоне опасались, что Германия нарушит обещание и, введя войска в Болгарию, потребует у турок уступок, несовместимых

---

³⁶ Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 64; The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 354.

³⁷ Eden A. The Reckoning, p. 188; Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 67—68.

с интересами Англии³⁸. Правительство Черчилля настаивало, чтобы Анкара получила прямо от посла Ф. Папена твердое заверение, что немцы не будут угрожать Турции после вступления в Болгарию. Этому заверению придавалось такое большое значение, что в Лондоне подумывали об отсрочке подписания болгаро-турецкого договора, чтобы получить более веские гарантии³⁹. Это соображение повлияло на ход миссии Идена.

Декларация о ненападении между Болгарией и Турцией, подписанная 17 февраля 1941 г., предполагала отказ от агрессии, проведение «политики доверия и дружбы», отказ от нападков в печати. Но ее главное значение состояло в том, что она стала не только крупным событием в борьбе между Лондоном и Берлином на Балканах и Ближнем Востоке, но и важной вехой в негласной договоренности между британскими и германскими монополиями о разграничении сфер влияния в этом районе. Даже Форин Оффис был вынужден признать: не только балканская и ближневосточная, но и английская печать считала, что Турция «дала Германии свободу рук на оккупацию Болгарии и вторжение в Грецию»⁴⁰. По существу не столько Турция, сколько Англия согласилась с этой свободой рук при условии, что немцы не двинутся к Проливам.

Но Берлин вел сложную игру. 18 февраля стало известно, что Папен не дал заверений туркам и что Анкара считает излишним выступать с ранее обещанным заявлением о верности англо-турецкому союзу. Таким образом, не были соблюдены два важнейших условия согласия Англии на болгаро-турецкую декларацию. «Мы согласились на заключение болгаро-турецкого договора,— говорилось в телеграмме Форин Оффиса правительствам доминионов,— при условии, что турецкий министр выяснит позицию Германии и в момент подписания договора сделает официальное заявление, что в случае нарушения болгарского нейтралитета или перехода Дуная немецкими войсками обязательства Турции по договору с нами и интересы ее собственной безопасности станут решающими факторами». Далее признавалось, что Лондон согласен на такую договоренность, при которой нападение Германии на Грецию при условии неучастия в нем Болгарии и спокойствия на турецко-болгарской границе не вызовет вступления Турции в войну⁴¹. Поскольку немцы не подтвердили принятия этого условия, а турки заколебались в верности союзу с Англией, для Черчилля было крайне важно срочно ввести в игру «греческую карту», т. е. направить свои сухопутные силы на греческий материк, чтобы заставить гитлеровцев выполнить указанную договоренность или нанести вер-

---

³⁸ FO.371/29730, R 1109/91/7.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ FO.371/29730, R 1389/91/7.

⁴¹ FO.371/29730, R 1389/91/7, R 1780/91/7.

махту фланговый удар во Фракции, если гитлеровцы обрушатся на Турцию.

В тот момент снова обнаружилась тесная связь миссии Идена с закулисной борьбой вокруг декларации 17 февраля. Иден покинул Лондон 12 февраля, а прибыл в Каир 19 числа. Официальная версия объясняет эту странную задержку «плохой погодой», скрывая более веские причины. Допуская возможность отсрочки подписания болгаро-турецкого договора с целью получения более веских гарантий из Берлина, Иден провел 14—18 февраля на Иберийском полуострове — в Лиссабоне, Мадриде, Гибралтаре. Неблагоприятное известие 18 февраля заставило его немедленно двинуться в Каир. Ускорение ввода британских войск на Балканы становилось решающим средством удержать Грецию до поры до времени «в строю», тем самым сохранить Турцию как своего невоюющего союзника. По существу речь шла о том, чтобы показать Германии, что у англичан есть возможности оказать сопротивление по линии Проливы — Эгейское море и что гитлеровцам лучше не ввязываться в борьбу за Ближний Восток весной 1941 г.

По прибытии в Каир Иден развил поистине лихорадочную деятельность: в течение двух суток провел пять совещаний. Прежде всего он встретился с Доновэном, специально задержавшимся здесь на неделю. Эмиссар Рузвельта без колебаний рекомендовал посылку войск в Грецию и создание «нечто вроде военно-политического блока в составе Турции, Греции, Югославии и, возможно, Болгарии». Впрочем, Болгария была упомянута для красного словца: она уже была списана со счета. Доновэн заявил, что отказ помочь грекам произведет неблагоприятное впечатление и может отрицательно сказаться на англо-американских отношениях⁴². На другой день Доновэн направил в Вашингтон «Отчет о положении в Средиземноморье», в котором в дополнение к предыдущему донесению подчеркивал, что «балканский барьер является средством сдерживать германское продвижение на юго-восток», т. е. в Малую Азию, Сирию, Ирак, «и получить русскую поддержку»⁴³. Последнее замечание подтверждает стремление Лондона использовать возможность сближения Англии и СССР, чтобы заставить гитлеровцев отказаться от захвата ближневосточной нефти и Суэцкого канала и полностью заняться планом «Барбаросса».

Иден был весьма доволен позицией Доновэна, и когда последний заверил, что США приложат все усилия, чтобы убедить Балканские страны объединиться в борьбе против Германии, он попросил полковника срочно направиться в Лондон и изложить это мнение военному кабинету. Доновэн прибыл в

⁴² Woodward E. L. British foreign policy in the Second World War. L., 1962, p. 134.

⁴³ Colonel Donovan's Report on the situation in the Mediterranean area, 20. 2. 1941.— F0.371/29782, R 4384/113/67.

Англию в конце февраля, встречался с Черчиллем и другими членами кабинета, после чего вернулся домой, чтобы глубже разъяснить существо британской политики в Восточном Средиземноморье⁴⁴.

Смысл поездки Доновэна в Лондон состоял не только в том, чтобы заверить Черчилля в твердой поддержке США британских планов в Греции и Турции. Нужно было устранить сомнения среди части английских верхов относительно разумности этих планов. Как отражение таких сомнений звучит запись Кадогана 18 февраля по получении информации о декларации 17 февраля: «Различные сообщения наводят на мысль: пока мы не сможем провести на Балканах **сколько-нибудь серьезную демонстрацию** (выделено мной.— А. Ч.), нам лучше очистить Африку и соединиться с Вейганом в Тунисе»⁴⁵. Еще более веским свидетельством колебаний Лондона была телеграмма Черчилля Идену 20 февраля: воздержаться от посылки войск в Грецию, «если с военной точки зрения не будет шансов на успех»⁴⁶. В свете этих колебаний миссия Идена и ее поддержка Доновэном имели решающее значение для реализации политики Англии в этом районе.

20—21 февраля Иден и Дилл провели несколько совещаний с командующими британскими силами на театре войны Уэйвеллом, Лонгмором и Каннингхэмом и главами военных миссий в Турции и Греции Маршаллом-Корнуоллом и Хейвудом. О Греции говорилось немного: на 22 февраля была намечена встреча в Афинах. Основное внимание было уделено Турции. Исходная посылка заключалась в том, что при отправке войск в Грецию на долю Анкары ничего не останется⁴⁷. В случае возникновения критической ситуации в зоне Проливов можно было рассчитывать на две линии поведения Турции. 1. Сохранение благожелательного нейтралитета с принятием некоторых мер против держав оси, но без объявления войны. 2. Объявление войны Германии в подходящий для турок момент, т. е. до наступления немцев на Проливы. Преимущества первого пути состояли в том, что его предпочитали сами турки, ссылавшиеся на свою военную слабость и требовавшие «хотя бы 9 месяцев активного обучения». Но при этом оставалось опасение, что Анкара пойдет на уступки Берлину и откроет немцам путь на Ближний Восток⁴⁸.

Выгоды второго пути были в том, что турки скуют силы Германии в Проливах. Англичане верно полагали, что гитлеровцы — из опасения совместных контрдействий Англии и Турции при возможной поддержке Югославии и даже СССР — «ничего не

⁴⁴ FO.371/26194, A 1154/183/45, A 1728/183/45.

⁴⁵ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 353.

⁴⁶ Eden A. The Reckoning, p. 195.

⁴⁷ Report on the mission..., ann. 1.

⁴⁸ Ibidem.

хотели бы лучшего, чем уклонение турок от своих обязательств»⁴⁹. Другие преимущества второго пути также привлекали англичан: возрастание шансов на вовлечение Югославии в британские планы, а также получение авиабаз, «которые были особенно ценными для бомбардировки румынской нефти и контроля судоходства в Проливах». Но если Турция окажется в войне с немцами, и командование в Каире, направив все наличные силы в Грецию, не сможет прийти на помощь Анкаре, останется значительным риск быстрого разгрома турок⁵⁰.

Несмотря на явную выгоду для англичан второго пути и на то, что «общее мнение» в Каире склонялось к нему, совещания не вынесли четкой рекомендации в его пользу. И это весьма показательно. Британское руководство не хотело военной борьбы в зоне Проливов, надеясь на политическую договоренность с противником. Ссылаясь на то, что «разделение военных усилий англичан (между Грецией и Турцией.— А. Ч.) было бы роковым», совещания в Каире рекомендовали сохранение Турцией благожелательного нейтралитета. Было решено сообщить туркам о «решимости прийти на помощь Греции» и объяснить, что это будет «наилучший путь помощи всем заинтересованным сторонам, включая и Турцию»⁵¹. Еще раз подтвердилось, что смысл греческого предприятия состоял прежде всего в удержании турок «в строю».

21 февраля в Лондоне получили несколько телеграмм Идена. Зная о колебаниях в кабинете, он подчеркнул «неплохие шансы на удержание линии фронта в Греции», а также тот факт, что Уэйвелл и Дилл, ранее колебавшиеся в этом вопросе, твердо высказались в поддержку экспедиции. Иден подтвердил решимость оказать сильный нажим на греков, чтобы те приняли помощь. Каирская группа считала, что командование британскими силами в Греции должно оставаться за англичанами, включая и «те греческие войска, что будут действовать на одной линии фронта»⁵².

Военный кабинет одобрил позицию Идена и для успокоения сомневавшихся подчеркнул, что греческое предприятие является подчиненным по отношению к обороне Египта и «не должно связать значительную часть наших войск». Замечание Черчилля, что «едва ли мы сможем перебросить в Грецию крупные силы прежде, чем туда вступят немцы»⁵³, показывает, что Лондон не собирался защищать Грецию от немецкой агрессии, а использовал ее как орудие прикрытия наиболее важного для

---

⁴⁹ Ibid., ann. 1, p. 17.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid., ann. 1, p. 16—17.

⁵² Ibid., ann. 1, p. 19; Eden A. The Reckoning, p. 197—199; Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 69—73.

⁵³ Cab 21/1182, WM(41)19.

британского империализма направления — пути через Проливы в Малую Азию.

22 февраля в Афинах состоялись англо-греческие переговоры — четыре встречи и беседа Идена с королем Георгом, что само по себе говорит о серьезном расхождении позиций сторон. Англичане — Иден, Дилл, Уэйвелл, Лонгмор, Хейвуд и Палерет — сразу взяли наступательный тон и добились от греков подтверждения, что Афины не пойдут на мирную капитуляцию по румынскому образцу. И все же греки на первом совещании стояли на том, что предварительно надо выяснить, будут ли англо-греческие силы достаточны для успешного сопротивления немцам. Если нет — вступление англичан в страну только спровоцирует Германию, и потому его следует избежать⁵⁴.

После нажима Идена греки согласились считать ранее названные и сознательно преувеличенные силы англичан — 3,5 пехотных и 1 танковую дивизии, 270 полевых, 200 противотанковых и 190 зенитных орудий — достаточными для отражения немецкого удара. Они приняли в качестве фронта союзной обороны линию Алиакмон протяженностью 100 км, которая находилась в 80 км южнее Салоник и шла от горы Олимп через Верию и Эдессу на северо-запад до границы с Югославией⁵⁵. Англичане добились назначения командующим союзными силами на Алиакмоне, куда должны были войти 4 греческие дивизии, генерала Г. Вилсона. На его кандидатуре настоял Черчилль, отвергший победителя итальянцев в Ливии генерала О'Коннора. На этом посту нужен был не боевой, а политический генерал, который хорошо понимал, что нужно Лондону в этой экспедиции и мог бы заставить греков следовать указанному курсу.

В Афинском соглашении вопрос о времени отвода греческих сил на Алиакмон не был решен. Англичане утверждают, что греки на последнем заседании согласились начать немедленную подготовку позиций и отвод своих сил из Фракии и Македонии. Одновременно было решено послать в Белград британского офицера, чтобы сообщить о скором прибытии английских войск в Грецию и о важности позиции Югославии для дислокации союзных сил. По мнению Папагоса, вопрос о занятии линии Алиакмон был решен лишь в принципе, вначале следовало выяснить мнение Белграда⁵⁶. Для греков отсрочка отвода своих сил имела важное значение, ибо сохраняла шансы на удержание Северной Греции. Для англичан время отвода не имело большого значения, поскольку всерьез сражаться на Алиакмоне они не собирались. К тому же Берлин еще не дал заверений туркам, и Лондон не исключал возможности дейст-

⁵⁴ Report on the mission . . . , ann. 3, p. 21—23.

⁵⁵ Ibid., ann. 3, p. 24.

⁵⁶ Ibid., ann. 3, p. 28; Eden A. The Reckoning, p. 201—202; Παπαγος Α. Γρčka u ratu 1940—1941, s. 314.

вий из Западной Фракии против фланга немцев в случае их продвижения к Проливам.

24 февраля военный кабинет обсуждал Афинское соглашение. Комитет начальников штабов подготовил доклад с анализом «за» и «против». С военной точки зрения преобладали негативные последствия экспедиции. Особенно опасным было ослабление позиций в Северной Африке, а также исчерпание стратегического резерва на Ближнем Востоке, что было крайне тревожным ввиду возможности германского удара по Турции⁵⁷. И все же британские стратеги высказались за отправку войск, так как, с политической точки зрения, она была необходима для того, чтобы заставить Германию принять указанный модус вивенди.

При обсуждении соглашения Черчилль обратил внимание на то, что Вашингтон настаивал на посылке войск: «Доновэн в своей телеграмме Рузвельту подчеркнул важность создания Балканского фронта. И если мы теперь оставим Грецию, это произведет неблагоприятный эффект в США»⁵⁸. Он высказал также мысль о том, что британская акция в Греции окажет нужное для Лондона влияние на СССР. В связи с этим на заседании кабинета речь зашла о возможной поездке Идена в Москву для встречи со Сталиным, и Черчилль заявил, что он согласен на это при условии «совершенно определенного приглашения из Москвы»⁵⁹. Таким образом, налицо совпадение мнений Черчилля и Доновэна о стремлении использовать сближение Англии и СССР как фактор прикрытия ближневосточных позиций Британской империи. Как известно, Советское правительство отклонило идею поездки Идена в Москву, подчеркнув, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР»⁶⁰.

Кабинет одобрил греческую экспедицию. В ответ на сомнения, высказанные участником заседания Р. Мензисом, главой правительства Австралии, чьи две дивизии должны были составить половину боевых частей корпуса, Черчилль отметил, что в худшем случае основная масса живой силы будет выведена в Египет. Этим предприятием, сказал он, мы пытаемся удержать аванпост, не подвергая серьезной опасности наши главные жизненные позиции: безопасность метрополии, господство в Египте, океанские коммуникации и использование американского арсенала⁶¹.

Итак, Лондон выиграл февральский раунд борьбы за Грецию, и это немедленно сказалось на позиции турок. 24 февраля появилось давно ожидаемое заявление Анкары. Сараджоглу

⁵⁷ Cab 66/15, WP(41)39.

⁵⁸ Cab 21/1182, WM(41)20, 24. 2. 1941.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Севостьянов П. П. Перед великим испытанием. М., 1981, с. 165.

⁶¹ Cab 21/1182, WM(41)20.

подтвердил «верность Турции своим союзам». Страна, говорилось далее, не может остаться безразличной к иностранной активности в зоне ее безопасности. Она окажет вооруженное сопротивление любой агрессии, направленной против ее независимости и территориальной целостности⁶² Несмотря на более мягкий тон заявления, чем ожидали англичане, Форин Оффис оценил его как «вполне удовлетворительное» и лишь выразил сожаление, что оно не появилось в момент подписания болгаро-турецкой декларации⁶³.

Это создало благоприятную атмосферу в следующей фазе миссии Идена — на переговорах с турками 27—28 февраля. Помимо трех совещаний с участием Дилла, Хьюджессена, Р. Сайдама, Сараджоглу и Ф. Чакмака, британский эмиссар встретился с президентом Иненю. В информации о планах помощи Греции как будто неожиданно прозвучало признание, что «немцы будут считать присутствие британских сил в Греции провокацией». Но англичане тут же добавили, что «и мы, и греки готовы принять этот риск»⁶⁴. Эта откровенность была не случайной: нужно было приоткрыть выгодный туркам сокровенный замысел Лондона — заставить немцев двинуться не к Проливам, а на юг Балканского полуострова.

Но турки все же опасались, что германские приготовления направлены не столько против Греции, сколько против Турции. «Маршал Чакмак опасается,— гласит протокол встречи,— что немцы, возможно, намерены сделать ложный маневр в отношении Греции, а главный удар нанести против Турции и Проливов». Действительно, Анкара еще не получила официального заверения Берлина, что вступление немцев в Болгарию не будет направлено против турок при условии взаимности с их стороны. Поэтому турки в ответ на замечание Идена, что помощь грекам является одновременно и помощью Турции, повторили, что англичане «должны быть готовы поддержать Турцию моторизованными и воздушными силами, чтобы отразить первый удар»⁶⁵.

Англичане, пообещав в принципе такую помощь, приветствовали позицию Анкары в этом варианте. Но их беспокоил и другой вопрос: какова будет политика турок, если немцы нападут только на Грецию, но займут угрожающую позицию вблизи болгаро-турецкой границы как средство нажима на Анкару. Иден спросил, не предпочтет ли Турция в такой ситуации «политически быть в состоянии войны, хотя фактически не участвовать в ней»⁶⁶. Это было бы гарантией того, что Анкара в

---

⁶² FO.371/29731, R 1741/91/7, 24. 2. 1941.

⁶³ FO.371/29731, R 1780/91/7.

⁶⁴ Report on the mission..., ann. 5, p. 33.

⁶⁵ Ibid., ann. 5, p. 34—35.

⁶⁶ Ibid., ann. 5, p. 36.

решающий момент не перейдет под эгиду Германии, останется аванпостом Англии на Ближнем Востоке.

Но турки не хотели связывать себя далеко идущими обязательствами и отклонили не только это предложение, но и просьбу использовать воздушное пространство Турции при налетах на румынские нефтепромыслы. В завершение беседы Сараджоглу дал ясно понять, что поскольку турки «не просят направить к ним войска, посылаемые в Грецию, хотя считают более вероятным нападение немцев на Турцию», англичане не должны настаивать не только на объявлении Анкарой войны Германии, но и на согласовании позиции Турции с любой балканской страной. Иден поспешил заверить, что его правительство полностью доверяет лояльности Турции и что предложение о формальном объявлении войны Германии является лишь вопросом тактики, чтобы избежать неблагоприятного воздействия на греков самого факта неучастия Турции в войне. В главном политическом вопросе — решимости Турции оказать сопротивление германской агрессии — «мы доверяем туркам и согласны, что они сами примут решение»⁶⁷.

В заключительной фазе переговоров — беседе с Иненю — Иден подтвердил согласие с основными пунктами турецкой позиции: возможность первоочередного удара по Турции и исключительную важность турецкого фронта для Англии, явную недостаточность английского снабжения Турции в предыдущие два года и необходимость его расширения⁶⁸.

Англичане, зная о конфиденциальных контактах Анкары с немцами, хотели уточнить дальнейшие планы гитлеровцев. Иден спросил Иненю, «не думает ли он, что есть какие-либо шансы на то, что немцы в этом году не начнут кампанию на Балканах»⁶⁹. Очевидно, Иден стремился выяснить, не собирается ли Германия оставить в покое Турцию, а возможно, и Грецию, чтобы полностью заняться подготовкой кампании против СССР.

Иненю не исключил такую возможность, хотя и признал ее маловероятной. Поскольку «вторжение на Британские острова было бы не слишком обещающей операцией» вермахт останется свободным для нанесения ударов в других районах Европы. Но если немцы оставят Балканы в покое, а последующий десант в Англию закончится неудачей, «вся Европа поднимется с оружием в руках против Германии, и последняя станет уязвимой во многих местах». Поэтому «в интересах немцев разгромить англичан прежде всего на Балканах»⁷⁰. Таким образом, хотя Иненю и не обрадовал своего партнера прогнозом развития событий на данном фронте борьбы, по существу он подтвердил обоснованность

---

⁶⁷ Ibid., ann. 6, p. 36—38.

⁶⁸ Ibid., ann. 7, p. 42—43.

⁶⁹ Ibid., ann. 7, p. 45.

⁷⁰ Ibid., ann. 7, p. 46.

надежд Лондона на то, что, выбрав Грецию в качестве направления своего балканского удара весной 1941 г., Германия не двинется к Проливам и на Ближний Восток.

Итак, переговоры Идена в Анкаре в целом прошли успешно. Если не считать тактических разногласий, стороны были едины в главном: защищать Проливы, если гитлеровцы попытаются овладеть ими, и уклониться от реальной помощи Афинам в случае германской атаки только против Греции. Согласие турок с этим курсом Лондона было весьма важным, так как устраняло опасность того, что возможная инициатива турок в вопросе оказания помощи грекам могла спутать карты англичанам в их сложной игре и вызвать нежелательную акцию немцев в зоне Проливов. Правительство Черчилля упорно стремилось достичь соглашения о разграничении позиций воюющих сторон.

Оккупация Болгарии вермахтом, начавшаяся 1 марта и не случайно совпавшая с завершением переговоров в Анкаре, вполне укладывалась в рамки этого соглашения. Хотя Англия и Турция прибегли к протестам, никакого реального противодействия они не оказали. В Берлине сделали верный вывод, что турки по итогам переговоров не взяли никаких новых обязательств в отношении сопротивления агрессии Германии на Балканах. Гитлеровцы решили сохранить свободу рук в Турции и задержать вручение личного послания Гитлера Идену с обещанными гарантиями о ненападении⁷¹. Это грозило нарушить англо-германскую договоренность. Единственным реальным средством заставить Германию выполнить свою часть соглашения оставался ввод британских сил в Грецию. Но в Лондоне опасались, что в связи с возможной мирной капитуляцией греков или быстрым вторжением немцев в Грецию эти силы будут полностью потеряны. Поэтому 3 марта Черчилль предложил Идену, с одной стороны, «вести все по плану», т. е. начать высадку войск, а с другой — завершить новые переговоры с греками так, чтобы в худшем случае Лондон «сохранил за собой право расторгнуть любую сделку и освободить греков и себя от любых обязательств»⁷².

Англо-греческие переговоры 2 — 4 марта оказались трудными. Отметив кардинальное изменение ситуации — вступление немцев в Болгарию и отказ Турции и Югославии прийти грекам на помощь, — Корицис заявил, что «необходимо рассмотреть чисто военный вопрос, можно ли оказать эффективное сопротивление». Отвечая на него «нет», греки в сущности требовали расторжения соглашения 22 февраля. 3 марта Папагос прямо заявил, что «помощь, которую англичане предложили ранее и подтверждают теперь, слишком мала и потому **проб-**

⁷¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969, т. 2, с. 386—387; DGFP, ser. D, v. 12, p. 216.

⁷² Cab 21/1182, WM(41)24.

лема неразрешима в рамках англо-греческих отношений» (выделено мной.— А. Ч.)⁷³. Намек на стремление правящей верхушки греков решить проблему политического положения своей страны в рамках германо-греческих отношений был настолько прозрачен, что начальник имперского генштаба Англии Дж. Дилл бросил упрек в том, что «политические соображения заставили его (Папагоса.— А.Ч.) изменить мнение об удержании линии Алиакмона»⁷⁴.

Англичане не хотели выпускать греков из своих рук. Дилл выдвинул компромиссное предложение: если греки найдут 3 дивизии вместо 5 обещанных, фронт можно создавать на этой базе. Но греки обещали только одну, и встреча закончилась провалом. Иден прибег к последнему средству — личной беседе с королем, о содержании которой умалчивают все источники. Вероятно, король понял игру англичан и принял ее при условии гарантии со стороны Лондона возвращения монарха после освобождения страны. Вечером 4 марта было достигнуто новое соглашение, на сей раз зафиксированное подписями Дилла и Папагоса. Греки обещали немедленно двинуть на Алиакмон из Македонии и Фракии, ослабляя прикрытие Салоник, 3 неполных дивизии и 7 отдельных батальонов, всего 23 батальона вместо прежних 35. Англичане направляли туда ранее обещанные силы по старому графику. Полномочия командующего союзными силами Г. Вилсона были заметно расширены. Он лишь формально подчинялся Папагосу, имея право принимать решения стратегического характера с разрешения Лондона, а не Афин⁷⁵. Составной частью плана было согласие англичан при благоприятных условиях активно действовать и в зоне Салоник, угрожая немецким коммуникациям во Фракии, если противник двинется не в Грецию, а к Проливам. Такая возможность учитывалась ввиду отсутствия немецких гарантий Анкаре.

3—4 марта британский кабинет склонялся к тому, что наступление немцев начнется в ближайшие дни и экспедиционные силы не успеют занять линию обороны. Черчилль даже обдумывал приказ о приостановке начавшейся операции «Ластр» — переброске войск из Египта в Грецию⁷⁶. После получения известия, что Папен вручил туркам заверение о ненападении, в Лондоне возросла уверенность, что немцы нанесут удар в Греции, а не в Проливах. Необходимость в греческом предприятии как будто уменьшалась, и 5 марта Черчилль сообщил Идену, что кабинет приостанавливает реализацию соглашения Дилл—Папагос «до получения дополнительной информации»⁷⁷.

⁷³ Report on the mission... , ann. 9, p. 59.

⁷⁴ Ibid., ann. 9, p. 58—59.

⁷⁵ Ibid., ann. 9, p. 59—60; App. A, p. 68—69.

⁷⁶ Cab 21/1182, WM(41)23.

⁷⁷ Ibid., WM(41)24.

Комитет начальников штабов снова подготовил меморандум с анализом основных факторов исхода греческой экспедиции. К ним относились: явное стремление Афин к договоренности с Берлином; крушение надежд на установление надежного господства в Эгейском море; возможность сосредоточения на линии Метаксаса 5 немецких подвижных дивизий к 22 марта — дню вероятного наступления, тогда как англичане в лучшем случае будут иметь на Алиакмоне две бригады ⁷⁸.

Черчилль полагал, что и теперь англичане имели возможность, «если это окажется самым разумным курсом», сказать грекам, что «мы освобождаем их от всяких обязательств». Но такой путь, конечно, «означал получение греками свободы в достижении соглашения с Германией». И тогда могла стать реальной угроза наступления немцев через Проливы. Только соображение, что Иден пошел на это соглашение, чтобы «не допустить капитуляции греков», оправдывало в глазах правительства Черчилля использование Иденом чрезвычайных полномочий ⁷⁹. Но даже это не помешало некоторым влиятельным кругам в Лондоне считать соглашение 4 марта неоправданно рискованным. Когда на заседании военного кабинета 6 марта оно было оглашено в деталях, «это вызвало у некоторых министров смешанные чувства: недовольство тем, что их втягивают в авантюру, и вместе с тем тайное удовлетворение, что, если дела пойдут плохо, уже есть подходящий козел отпущения» ⁸⁰.

По требованию Черчилля каирская группа 6 марта собралась на совещание с участием премьер-министра ЮАС Я. Смэтса. Было очевидно, что в новой ситуации даже шансы на эвакуацию корпуса были незначительны. Но участники сошлись на том, что с точки зрения британской верхушки нет разумной альтернативы решению 4 марта. Иден подчеркнул, что «если мы сейчас отступим, мы потеряем все надежды вовлечь Югославию в войну и воздействие на позицию турок может быть самым непредвиденным». Старый имперский зубр Смэтс, с мнением которого весьма считались в Лондоне, полностью одобрил греческое предприятие: «Можно сказать, что победа немцев приведет к значительному удару по нашим целям, но это поражение будет серьезнее, если мы останемся в стороне и не придем на помощь» ⁸¹.

И все же разногласия в правящей верхушке Англии относительно путей и методов защиты имперских интересов в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке оставались. Они вытекали из глубокого разрыва между необходимостью вести тактическую борьбу за Грецию и крайней ограниченностью

⁷⁸ Ibid., App, p. 12—13.

⁷⁹ Ibid., WM(41)24.

⁸⁰ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 361.

⁸¹ Report on the mission... , ann. 12, p. 75, 79.

ресурсов у каирского командования. Даже после совещания 6 марта генерал Дилл доверительно сказал адмиралу Каннингхэму: «Решение-то мы приняли, но я вообще не уверен, верно ли оно»⁸². Сомнение Дилла, как и критическое отношение Кадогана к греческому предпрятию, отражало настроение группы английских верхов, в основном мюнхенской ориентации. Она предлагала ввиду явной слабости Англии в Восточном Средиземноморье ограничиться обороной на линии Эгейское море — Проливы и активно действовать в Северной Африке с целью изгнания итальянцев из Триполи и установления прямой связи с армией Вейгана в Тунисе⁸³.

Черчилль же и его окружение считали, что только активная тактика и прежде всего отправка корпуса в Грецию заставит гитлеровцев ограничиться оккупацией Балкан и остановиться перед Проливами.

Резюме каирского совещания было передано в ночь на 7 марта в Лондон. Черчилль, хотя и дал команду «Полный вперед!» в отношении греческой экспедиции, считал его недостаточно убедительным, чтобы покончить с колебаниями кабинета. Премьер-министр требовал такого донесения, в котором защита собственных интересов англичан была бы в тени, а на первый план выходило честное выполнение обязательств перед греками, которые «решили сражаться до конца». Другая слабость телеграммы из Каира — отсутствие ссылки на то, что «предприятие затеяно не потому, что министр военного кабинета и начальник имперского генштаба взяли на себя обязательства, но потому, что Дилл, Уэйвелл и другие командующие убеждены в наличии разумного шанса на успех»⁸⁴.

Утром 7 марта развернутое и скорректированное в нужном духе донесение Идена прибыло в Лондон, и кабинет утвердил соглашение Дилл—Папагос. К тому времени в Греции уже находились административные и охранные части корпуса с задачей не выпустить из рук англичан короля и золотой запас. Началась высадка боевых сил — танковой бригады и новозеландской пехотной дивизии, из Александрии отплыли части 6-й австралийской дивизии, хотя эти доминионы дали свое согласие на экспедицию только 9 марта. Они протестовали против нарушения соглашения об условиях использования их войск на театрах военных действий⁸⁵. Демарш доминионов имел в виду обеспечить эвакуацию их войск из Греции. Адмиралтейству пришлось просить Каннингхэма формально подтвердить готовность к эвакуации, что и было сделано тотчас. Ближневосточные командующие не питали иллюзий о длительности экспедиции. «Когда решение послать войска было наконец принято,— замечает

⁸² Cunningham A. B. A sailor's Odyssey. L., 1951, p. 315.

⁸³ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 355—357.

⁸⁴ Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 104—105.

⁸⁵ Long G. To Greece. Canberra, 1952, p. 23, 33.

Каннингхэм,— мы сразу стали думать, как вернуть их обратно»⁸⁶.

Двинув дальше греческое предприятие, правительство Черчилля продолжило свою линию, чтобы заставить немцев отказаться от наступления на Ближний Восток, продолжило игру на возможности создания Балканского фронта. 9—12 марта в Афинах состоялись переговоры военных представителей Англии и Греции с майором Перишичем из югославского генштаба. Эти переговоры использовались как средство давления на Берлин, пока тот не дал более надежных заверений об отказе от удара по Турции. Как только на германо-турецких переговорах 8—12 марта гитлеровцы подтвердили, что оставят турок в покое, англичане отказались дать Югославии точные заверения об оказании помощи⁸⁷.

Лондон счет необходимым провести новую встречу с турками, чтобы выяснить их настроения после переговоров с Папеном. Беседа Идена с Сараджоглу состоялась 18 марта на Кипре. Поскольку условия присоединения Белграда к тройственному пакту еще не были известны, Иден вначале просил турок подтвердить, что они согласны считать нападение немцев на Салоники в качестве казус белли, если югославы сделают то же самое. Но в конечном счете он удовлетворился обещанием турок — при согласии Югославии рассматривать нападение на Салоники как жизненную угрозу обоим странам — обменяться мнениями по поводу ответной реакции⁸⁸. Такая линия поведения Турции резервировалась Лондоном на худший случай — нарушение немцами гарантий Анкаре. В целом же Иден и на сей раз подтвердил, что англичане «не стремятся втянуть турок в войну или даже объявить ее состоянием»⁸⁹, если гитлеровцы выполнят свою часть соглашения о разграничении позиций двух держав.

Завершающая фаза миссии Идена оказалась связанной с событиями 25—27 марта в Югославии. Вступление Белграда в тройственный пакт не вызвало серьезного беспокойства, хотя Черчилль задним числом пытался внушить обратное. В сущности это событие вписывалось в англо-германскую договоренность. В тот день Иден и Дилл вылетели на родину и сделали остановку на Мальте. Но известие о перевороте 27 марта, который явно не вписывался в британскую схему, заставило обоих эмиссаров немедленно вернуться в Афины, чтобы, по выражению Черчилля, «взять ситуацию под свой контроль»⁹⁰.

⁸⁶ Cunningham A. B. A sailor's Odyssey, p. 315.

⁸⁷ Чемпалов И. Н. Присоединение Югославии к Тройственному пакту, с. 69—79.

⁸⁸ Report on the mission... , p. 84—85, 86—89.

⁸⁹ Ibid., p. 82—83.

⁹⁰ Eden A. The Reckoning, p. 230; Churchill W. The Second World War, v. 3, p. 169.

Это замечание опровергает тогдашние официальные и последующие мемуарные утверждения о том, что англичане содействовали перевороту 27 марта, чтобы создать-таки Балканский фронт и не позволить немцам захватить Югославию и Грецию. Черчилль в телеграмме Идену 28 марта писал: «Весьма вероятно, что тройственная декларация Балканских стран приведет к сохранению мира или к продолжительной отсрочке германского наступления»⁹¹. В действительности тройственная декларация нужна была англичанам не для защиты Югославии и Греции, а для снятия все еще остававшейся угрозы немецкого удара по Турции. В том же послании Черчилль говорит о необходимости убедить турок в случае наличия такой угрозы отвести главные силы их армии к Чаталдже и на азиатский берег Проливов, оставив во Фракии лишь сильное прикрытие. Гитлеровцы, не добившись решающего успеха во Фракии и перед лицом серьезной преграды — Проливов и турецкой армии, нетронутых сил Югославии и частично Греции и наконец ближневосточной армии англичан с выдвинутым вперед экспедиционным корпусом, «будут вынуждены занять позиционный фронт на Балканах», т. е. отказаться от продвижения через Малую Азию. «Тогда, — подчеркнул Черчилль, — мы будем иметь хороший буфер на нашем правом фланге, чтобы защитить наши ближневосточные интересы...»⁹²

Лондон пытался создать впечатление, что в состав буфера могут войти Югославия и Греция. Но действия британской дипломатии говорят о другом. 28 марта на переговорах с Иденом и его командой греки предложили создать «прочный и протяженный фронт обороны от Адриатики до Черного моря», покончив с албанским фронтом совместными ударами югославской и греческой армий. Англо-греческие силы перебросить с Алиакмона на линию Метаксаса, чтобы прикрыть Салоники. Турция должна направить 4—5 дивизий в Западную Фракию, взяв на себя ответственность за ее оборону. Вывод Папагоса был таков: 27 югославских и 33 турецкие дивизии «позволят не только создать прочный оборонительный фронт, но и превратить его позднее в наступательный»⁹³.

Независимо от подлинных намерений греков в их предложениях имелось рациональное зерно — идея активного использования боевых сил трех стран на передовых рубежах Греции и Турции, т. е. зародыш подлинного Балканского фронта. Стоило англичанам поддержать эту идею и дополнить ее политическими факторами — сближением с СССР и демонстрацией американской поддержки трех балканских стран, — и против гитлеровцев возник бы серьезный антигерманский фронт.

---

⁹¹ CMA. Ismay's Papers VI/2, p. 38.

⁹² Ibid., p. 39—40.

⁹³ Report on the mission..., p. 92—93.

Но такого развития событий не хотело английское руководство, ибо крупные силы вермахта могли надолго застрять на Балканах, операция «Барбаросса» ставилась под вопрос в 1941 г. и тогда на первый план выходила идея овладения Суэцким каналом и нефтью Ближнего Востока. Действительно, переброска в Польшу после 17 марта трех из 5 немецких танковых дивизий на Балканах, когда вопрос о присоединении Югославии к тройственному пакту был решен, означала, что гитлеровцы намеревались выполнить свою часть соглашения с Лондоном. Но 30 марта британская разведка узнала, что в связи с белградским переворотом эти дивизии срочно возвращаются обратно⁹⁴.

Следовательно, последствия переворота 27 марта могли сорвать глубокий политико-стратегический замысел англичан. Вопрос о том, куда будет направлен главный удар вермахта весной-летом 1941 г., был исключительно важен. В начале апреля, накануне нападения Германии на Грецию и Югославию, Иден и Дилл в Каире обсуждали эту проблему. На вопрос Идена, каков наиболее вероятный путь стратегического мышления противника, Дилл ответил: «Если нацисты решили, что их конфликт с Россией неизбежен, с чисто военной точки зрения они сделают разумно, двинувшись теперь, чем в будущем году, несмотря на отвлечение сил, которое им возможно придется сделать на Балканы»⁹⁵.

Чтобы «отвлечение сил», т. е. захват Греции и Югославии, не превратилось в поход немцев на Ближний Восток и не сорвало «конфликт с Россией», британское руководство, формально ведя разговоры о Балканском фронте, не допустило его создания. Англичане на переговорах с греками 28 марта отвергли все предложения Папагоса. Дилл прямо заявил, что союзный фронт на линии Метаксаса вызовет такой ответный удар немцев, что они могут прорваться к Дарданеллам⁹⁶. Совет туркам беречь основную массу их живой силы на азиатском берегу Проливов по сути толкал Анкару на все тот же путь отказа поддерживать греков и югославов. Наконец, позиция Дилла на переговорах с югославским генштабом в Белграде 30 марта — 1 апреля показывает, что Лондон и здесь не поддержал разумные предложения относительно прикрытия Салоник англо-греческими силами и активизации Турции во Фракии⁹⁷. Таким образом, и в новой обстановке Иден добивался прежней цели: отвлечь удар немцев по Турции и направить его на Югославию и Грецию. Англичане сознательно отказались включить эти две страны в так называемую буферную зону. Ее роль должен был

---

⁹⁴ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, p. 367.

⁹⁵ E d e n A. The Reckoning, p. 235.

⁹⁶ Ibid., p. 231; Report on the mission... , p. 93—94.

⁹⁷ Report on the mission... , p. 97—98.

выполнять район Проливов и Эгейское море, а в политическом смысле — одна Турция.

В Берлине переворот 27 марта восприняли как угрозу своим замыслам на Балканах и особенно на Востоке, и в тот же день Гитлер приказал форсировать подготовку к быстрому разгрому Греции и Югославии. Турцию действительно оставили в покое. Хотя в штабе ОКХ опасались относительно позиции Анкары в момент наступления вермахта на юг Балкан, в целом гитлеровцы «оптимистически оценивали» ситуацию в этом районе и считали маловероятным вступление турок в зону Эдирне на границе с Болгарией. Но даже в случае такого вступления немцы не собирались использовать этот шаг как повод для удара по Турции⁹⁸. По существу это означало, что англо-германская договоренность о разграничении позиций противников вступила в действие. И когда в первые же дни после нападения гитлеровцев на Грецию и Югославию стало очевидным, что зона Проливов не затронута военными действиями, британское руководство вздохнуло с облегчением. Судьба греков и югославов всерьез не волновала англичан. 7 апреля, на другой день после начала военных действий, Иден и Дилл вылетели на родину.

Итак, изучение политики Англии в Восточном Средиземноморье в начале 1941 г., в период подготовки гитлеровской агрессии против Греции и Югославии, позволяет сделать следующие выводы. В январе 1941 г. в связи с сосредоточением вермахта в Румынии и подготовкой его вступления в Болгарию позиция Греции и Турции приобрела для Лондона очень важное значение. Эти страны стали полем англо-германской военно-политической и дипломатической борьбы, стержнем которой был вопрос, куда двинется Германия после оккупации Болгарии: в Грецию или Турцию.

Правительство Черчилля, зная о подготовке немцами плана «Барбаросса», стремилось посредством болгаро-турецкого соглашения о ненападении достичь негласной договоренности с Берлином о разграничении сферы военно-политического господства Германии на Балканах и зоны британского колониального влияния на Ближнем Востоке. Гарантом такого размежевания и одновременно барьером против возможного нарушения немцами этой договоренности должна была стать Турция. Конечным результатом англо-германского соглашения становилось обеспечение балканского фланга будущей операции гитлеровцев против СССР.

Борьба за Турцию имела для Лондона стратегическое значение: сохранить хотя бы часть своего влияния на Анкару и не допустить ее ухода под эгиду Германии. Смысл удержания Греции под своим влиянием был гораздо более ограниченным: не позволить грекам «мирно договориться» с немцами, добиться

---

⁹⁸ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 424, 435.

отправки британских сил в эту страну, чтобы заставить гитлеровцев принять указанную договоренность, а когда Греция станет объектом германского удара, уйти из нее, прихватив часть греческой верхушки во главе с королем.

Основным орудием реализации этой политики Англии стала миссия Идена. Важнейшими вехами на пути достижения замыслов англичан были подписание болгаро-турецкого договора 17 февраля, англо-греческие соглашения 22 февраля и 4 марта о вводе британских сил в Грецию, договоренность Идена и руководителей Турции в феврале — марте о совместной позиции двух стран в отношении отказа защищать греков от немецкого удара. Завершающей акцией миссии стали политико-дипломатические маневры в Греции и Югославии в конце марта — начале апреля, которые в значительной, если не в решающей, мере сорвали возможность организации отпора германской агрессии против Греции и Югославии и в целом обеспечили выполнение договоренности между Берлином и Лондоном о размежевании военно-политических позиций двух стран по линии Проливы — Эгейское море.